

В. П. Пустовит
ПО НАУМЕНКОВСКИМ МЕСТАМ
КАМЧАТКИ

Судьба наследия творческого человека нередко повторяет его собственную судьбу. Довольно много стихов Владимира Науменкова (1937–1995) оказалось за бортом прижизненных сборников «У этих каменных берёз» и «Птицы-зарницы». Долгим и нелёгким был их путь к читателю и после кончины автора. Только в прошлом году, наконец, началась работа по изданию «Вершины Вольности» — книги, дающей более-менее полное представление о творчестве В. Науменкова. А ведь это поэт, широко известный на Камчатке. И поэт, по самым строгим меркам, далеко не регионального масштаба, о чём, прежде всего, свидетельствует его гражданская лирика.

Но если оценивать В. Науменкова «территориально», то ему, как певцу Севера, нет, пожалуй, равных среди собратьев по перу — тех, для кого эта часть страны стала второй малой родиной. В подтверждение достаточно назвать стихи «Голубые покосы», «У этих каменных берёз», «Барьер времени», «Ощущение тундры», «Северный привал», «Осенняя сказка», песни «Пускай уедем в край любой...», «Забытые причалы». Они без преувеличения — гимн природе и людям нашего края.

Поэзия В. Науменкова многозначна и многомерна. В усечённом же трёхмерном измерении она поражает непостижимым простором красок (тонов и полутонов), захватывает высотой полёта мысли, волнует глубиной чувств. Ей присуща какая-то особенная первородная чистота. По сути, каждое его произведение — истинно русский взгляд на мир, где должны обязательно восторжествовать добро, красота и справедливость. Это и предопределило судьбу автора, столь щедрую на суровые испытания и слишком скупую на отдохновение и радости.

Представленный ниже материал можно рассматривать как дополнительные штрихи к творческому портрету Владимира Ивановича Науменкова. Поэта и человека.

Поселок Лахтажный (ныне Рыбачий). Здесь в 1962–1967 гг. служил корреспондентом-организатором газеты подводников «Залп» офицер ВМФ В. И. Науменков. Жил перед увольнением в запас по ул. Гусарова. Мне в студенческую пору приходилось бывать у него, но, преимущественно, в другой, тоже коммунальной, квартире. Это была небольшая комната, заполненная книгами; помимо полок, они были на столе, стульях, даже в двух детских кроватках. А на стенах висели рисунки Поэта и автопортрет. В этой комнате рождалась гражданская лирика Науменкова, в том числе крамольная поэма «Мавзолей Ленина». Историко-политические стихи он сброшюровал в не предназначенную для печати рукопись «Век отступлений».

...Из сотрудников редакции «Залпа» стихи писали старший матрос Валерий Наумов и старшина 2 статьи Лев Янченков. Первый – с модернистским уклоном («Я, в иголку времени вдетый...»), второй часто сбивался на эротику («Подлодка, как молодка, шевелит кормой...»). Оба они периодически публиковались в газете. Оба искренне и безоговорочно признавали поэтическое первенство Владимира Науменкова. Рифмовал иногда и ответственный редактор, с университетским образованием, капитан 3 ранга Андрей Викторович Гриднев. Он слыл либералом (насколько это возможно в рядах вооружённых сил) и немного чудачком – к примеру, отвергал существование доисторического ледника, который в корне изменил климат на нашей планете; и, помнится, его доводы казались вполне убедительными. В 1965 г. ТОФ наградили орденом Красного Знамени. Капитан 3 ранга трудился над поэмой в честь этого события, публиковал её «кусками» – по мере написания; подчинённые посмеивались между собой, что нет ей ни конца, ни края. Редактор, с присущим ему – без тени улыбки – юмором, не раз спрашивал у старшего лейтенанта Науменкова мнение о своей поэме. Тот, широко улыбаясь, неизменно отвечал, дескать, нормальная. «А не скажет, что не поэзия...» – усмехался, уже один на один, капитан 3 ранга (ему, видимо, доставляло удовольствие удивлять меня). И доверительно добавлял: «Устав! Но – с другой стороны – вещь нужная, ничто не действует так сильно на сознание, как стихи». А вот в этом Науменков целиком и полностью сходиллся со своим командиром.

Так что постоянная рубрика «Слово – поэту» представлялась совершенно естественной. Но их газета из номера в номер печатала... «Историю этических учений». Сомневаюсь в том, чтобы нечто подобное могла себе позволить какая-нибудь другая военная многотиражка.

Вечерами любители литературы и искусства пос. Лахтажного прибывали в *Матросский клуб*. «Время было неповторимым, бурным. Спустя много лет это признают все», – писала завбиблиотекой А. Г. Струтинская. – Жизнь в гарнизоне не была лёгкой... <...> ...но мы были молоды – почти всё воспринимали просто. Конечно, были и такие, кто не выдерживал – долгая зима, кругом снег и океан. Вскоре уехала и Тамара (супруга В. Науменкова. – В. П.) с детьми в Москву. Володя стал чаще появляться в библиотеке и клубе. Будучи человеком увлекающимся, Володя мог без труда увлечь любую аудиторию, когда чувствовал к себе доброжелательное отношение. Вокруг него спланивалась талантливая, думающая молодёжь, офицеры, матросы (1).

О рукописи «Век отступлений», где содержалась критика партийно-бюрократического режима, знали многие. В конце концов её обманом заполучил особый отдел. Больше других переживала за Поэта А. Г. Струтинская. «Я твердо верила, что он не был антисоветчиком: просто хотел улучшить жизнь простого человека, чуть-чуть свободы, чуть-чуть правды. <...>... он принёс какую-то трубку, в ней исписанные бумаги, попросил спрятать. Спрятала. Потом начались собрания, разборки и прочее...» (1). Завбиблиотекой, будучи человеком авторитетным, как могла, хлопотала за Науменкова, но его участь была предопределена.

«Теперь уж он не читал стихов, не было вечеров поэзии. Всё смолкло. Володя ждал документы, утром и вечером был у нас дома, ездил в город. <...> Мой муж поддерживал его морально и материально» (1). В июне 1967 г. В. Науменков стал гражданским человеком. Покинул пос. Лахтажный, но не покинул Камчатку – уехал на север полуострова.

Тилички Олюторского района. «Науменковские стихи меня притягивали, я впитывала в себя их, – говорит близкая знакомая Поэта В. А. Павлова. – Интересно было, ново... он ходил и напевал: “Забытые причалы, забытые причалы...” И ещё Володя часто читал нам, “замучил” нас “Прощанием славянки” – видно, не отпускала печаль по вынужденному уходу с Флота (2). На теплоту и радушие окружающих В. Науменков отвечал взаимностью. И всё время, пока он жил в Тиличках (1967–1970 гг.), – продолжает Павлова, дом его всегда был открыт для всех. В любой момент днём и ночью мог прийти друг, товарищ, хорошо знакомый или малознакомый, коряки гурьбой могли ввалиться с ответным визитом после его командировки в табуны по заданию газеты. <...> А Женя Лаптев, так тот жил у Володи; оба – голубоглазые, ходили по деревне... <...> Женя был мягкий по натуре, совсем не приспособленный к житейскому быту. Володина мама Ольга Фёдоровна обихаживала и его, как сына. Лаптев работал тоже в газете “Заря коммунизма” и тоже писал стихи» (2).

Супруги Струтинские навестили Поэта в Тиличихах. Антонина Григорьевна попыталась понять мир, в котором оказался он после Лахтажного. «Я ушла далеко от дома. Стою в тундре, вдали олени пасутся, людей не видно. Стою и думаю. Первобытный Мир, красота неповторимая, дикая. Менять её не нужно. Говорят, древние люди, когда хотели, могли общаться с ангелами, как с людьми, а иногда с Богом. А потом люди стали “умные”, и небеса отдалились от них...» (3).

Поэт поведал флотским друзьям о гордом олене, что чудом вырвался из смертельного коралля. «Володя потом это описал в стихах. Но, когда он рассказывал, то я думала, что он сам, как олень, должен вырваться на волю. Я верила, что он гордый и свободолюбивый, всё выдержит» (3).

А Валентина Александровна Павлова уверена, что на Севере Поэт обрёл настоящую свободу. «Эта часть жизни Науменкова была у него золотой и в творчестве, и в личном плане тоже. Он многим нравился, но главное для него была свобода. Думал, едет на Север в ссылку, а попал на “пятачок свободы”, как мы тогда называли наши Тиличихи» (2).

Петропавловск-Камчатский. Дом радио на ул. Советской № 28 В. Науменков довольно часто посещал в 1971–1985 гг. Но впервые он вошёл в это здание в конце 1961 или в начале 1962-го. На втором этаже располагался читальный зал областной библиотеки, сюда по вечерам стекались любители поэзии и начинающие литераторы. Иногда появлялись и мы, одиннадцатиклассники СШ № 2 им. Л. Н. Толстого. Заседания клуба поэзии (организатор Канаева, сотрудница Дома радио или библиотеки, точно не помню, как и её имя-отчество) обычно посвящались какому-нибудь малоизвестному класснику, например Дмитрию Кедрину, а потом каждый, кто пожелает, оглашал свои опусы.

Весной 1962 г. на одно из таких заседаний я опоздал – захватил выступление молодого, но гораздо старше меня, поэта, который с волнением читал стихи о вдовушках и косарях. Стоял он (тогда никто не читал сидя) в сером грубошерстном свитере; офицерский китель на спинке стула я сначала не заметил. В уголках рта поэта была горечь, и в тот момент казалось, что выражение лица просто соответствует содержанию стихов. И только на улице, когда автор, уже в фуражке «с крабом» и флотской шинели, советовал нам, молодым, писать смелее – «не робеть», я понял: эта горечь у него не временная.

Со своими стихами Поэт много раз потом выступал в центральном книжном магазине (ул. Ленинская, дом № 34). Эта улица по выходным в середине 1960-х, особенно летом, являлась излюбленным местом наших с ним прогулок.

Встречные девушки всегда с интересом посматривали на него. Их, безусловно, привлекали его погоны, но не столько они, сколько он сам. «Он был красив, но красив не слащаво, а по-мужски, – делилась своими впечатлениями тех лет журналистка Камчатского телевидения Зинаида Фоминична Фролова. – Глаза голубые-голубые, чистые-чистые. Чем-то напоминал Есенина. И волосы волнистые, с золотым отливом...»

То же, почти слово в слово, я слышал от кандидата филологических наук Г. Г. Кравченко. В Камчатском пединституте она читала русскую и советскую литературу, спецкурс по Маяковскому. Поэт уважал в Галине Григорьевне неординарную энциклопедическую личность. Блокадница, она хорошо знала жизнь, была глубоко верующим человеком. Из науменковской поэзии выше всего ставила связанное с войной: «Памяти отца», «У Медыни», «Соберутся вдовушки...», «На родине». Иногда, в минуты особенной душевной откровенности, вздыхала: «Тебе бы, Володечка, хорошую жену. Чтоб любила и варила борщи...».

Как полемисты Кравченко и Науменков не уступали друг другу. Иной раз доходило чуть ли не до размолвки. И всё – из-за литературы, того или иного поэта, прозаика. Спорили и на другие темы у неё в доме № 44/1 по ул. Максимова. Но что объединяло их и о чём никогда не возникало спора – так это любовь к Отечеству и русским людям.

...С 1964 г. Владимир Науменков холостяковал. Если в нашу компанию вливались женщины, то они непременно отвечали его представлениям о прекрасном поле: не напивались, не курили и не сквернословили. Сам он в женском обществе был весьма обходителен, в меру весел и слегка ироничен. (Настороженность появилась потом, в начале 1970-х.) Не выносил пошлости и, особенно, цинизма. Отдавал предпочтение «серьёзным женщинам». Это его выражение касалось также внешних данных; рядом с ним не могло быть той, о которой в сельской местности обычно говорят: «На ней дым возить!» К., приятельница молодого Науменкова, помнит его нежным и ласковым: «Никогда не услышишь грубого слова...»

Однажды после вечерней прогулки по Ленинской мы с ним расстались: я уехал домой, а он направился в гости. Утром появляется растерянный: потерял блокнот со стихами и не может восстановить их по памяти. Пошли вместе в дом на Петровской сопке, где он гостил. Поднимаемся по переулку, а навстречу – молодая дама, как раз из того дома. Да, отвечает, блокнот у меня, а сама молчаливо-уважительно глядит на Владимира. Потом приглашает нас в дом. Входим. Из-за стола встаёт неприметный мужчина неопределённого возраста. И представляется: «Полетаев». На ум мгновенно приходит фамилия

поэта времён Пролеткульта. Спрашиваю: «Тот самый?» Мужчина кивает. Науменков смеётся: мол, прикинь, сколько ему лет должно быть. Прикинул. За 70. Тоже смеюсь...

В 11-й квартире дома № 72 по ул. Ленинградской состоялось знакомство Анатолия Санькова с В. Науменковым. Саньков описал это в очерке «Могучий талант». Из-за ложной скромности я хотел опустить характеристику атмосферы их знакомства и всё, что касается хозяина квартиры, но подумал-подумал и оставил. Возможно, перевесила ностальгия... Выдержки из очерка даются в сокращённом виде, без специальных пометок в тексте.

«Валентин, обладая притягательной внутренней силой души и таланта, отличался каким-то особенным гостеприимством и доброжелательностью, и в стенах его небольшой квартиры гости (почти одна молодёжь) чувствовали себя совершенно непринуждённо и просто уютно.

В один из таких вечеров, когда все приглашённые (а кто и без приглашения) уже толпились в кухне и в зале, в дверь позвонили. Вошёл сравнительно молодой человек в форме флотского офицера, с приятной, явно подкупающей и располагающей к себе улыбкой на овальном, правильной формы лице, к которому шли и придавали удивительную внутреннюю красоту и силу василькового цвета глаза.

А когда он снял фуражку, меня не могла не поразить его густая непроходимая тёмно-русая шевелюра, обрамляющая высокий лоб. И эта шевелюра, и этот высокий лоб, и особенно выразительные, с живым блеском, глаза уже сами по себе многое значили... Эту выразительность ничуть не портит и заметный шрам на щеке да временами появлявшаяся в уголках рта горестная усталая складка, когда Володя, видимо, о чём-то задумывался. Был он выше среднего роста, худощав, но не худ, немного сутулился. И что мне ещё крепко запомнилось в этот вечер – это напористое, энергичное, почти железное рукопожатие его средней величины ладони, что я воспринял как традиционную морскую привычку.

Мы расселись за стол, начали ужин, который то и дело прерывался короткими и продолжительными беседами. Еды и горячительного было вдосталь, но этим особенно не увлекались, а настраивались, в основном, на темы словесности. Пока речь шла о житейском, текущем: политике, любви и похождениях молодых ловеласов – я как-то мало вникал в суть разговоров, но, тем не менее, не сводил взгляда с Володи, хотя старался это делать неназойливо, как бы украдкой.

Но вот началось самое интересное – своего рода поэтический поединок, когда авторы не по очереди, конечно, а кому как приведётся, вставали из-за стола, доставали листки со своими сочинениями – а то и наизусть – и читали. Все внимательно слушали, а когда автор заканчивал, оживлённо, подчас наперебой, высказывали свои мнения, зачастую настолько противоречивые, что просто было трудно ухватиться за соломинку истины. Однако при всей неопределённости положения всё это только радовало и подогревало интерес к происходящему. Ведь атмосфера-то была самая непринуждённая, самая демократическая, а среда – молодёжная, разгорячённая, с примесью некоего бунтарства.

До чтения Науменковских стихов большой популярностью пользовались произведения Валентина. Он как-то удачно сочетал в них и мысль, и синтаксис слова (чтобы эта мысль плавно струилась по своему руслу) и, естественно, технику построения и изложения стиха. Смысл и форма произведения были удивительно взаимосвязаны, а гражданственная, в основном, палитра содержания вызывала повышенный интерес. Несмотря на свою молодость Валентин Пустовит уже в ту пору мало испытывал чьё-либо влияние как поэт и пользовался только своими врождёнными возможностями. Тематика стихотворений была разнообразной – от любовной (но раскрепощённой) до политической...» (4).

Затем А. Саньков переходит к выступлению героя очерка. «Он встал, как-то весь подобрался, лицом стал строже, достал из кармана записную книжку, потом положил её на стол и начал читать по памяти. Неповторимой была манера его чтения. Начиная естественным, хорошо отлаженным голосом, он, по мере продвижения своей речи к узловому моменту, будто давал дополнительное ускорение голосу, и он начинал дрожать, как тугая струна, а в зоне кульминации чуть не доходил до крика. При этом поэт не просто жестикулировал правой рукой, а как бы рубил с плеча. Заканчивая, он словно сбрасывал тяжёлую ношу с себя, стеснённо дышал и никак не мог успокоиться. То не была эффектная поза или какая-то показуха. То было естественное волеизъявление души, её состояние. Стихи на гражданские, социально-общественные темы Науменков не мог читать иначе» (4).

Саньков, как он выражается, дерзнул в присутствии Науменкова зачитать стихи собственного сочинения. Поэт в целом одобрительно отнёсся к ним, ограничившись корректной («бархатной») критикой, и выразил готовность помогать автору, чем сильно ободрил его.

«В основном же, – пишет Анатолий Иванович, – в тот незабываемый вечер у нас с Володей речь шла о деревне, быте и нраве жителей наших испокон века соседних местностей, переживших исторически столько бед и испытаний (4). “Опять леса разбредили душу, / Орловские и курские леса. / Они стоят в степи, как чудеса...”» (5).

В 1964–1967 гг. Поэта можно было нередко видеть в доме прозаика и философа Александра

Филимонова на *Фрунзе № 86*, куда обычно он направлялся прямо с морвокзала, сойдя с рейсового катера, курсировавшего между пос. Рыбачьим и областным центром. Владимир быстро вошёл в круг оппозиционной молодёжи, которая постоянно собиралась в этом, опальном, по выражению А. Санькова, доме. Науменков принимал участие в обсуждении актуальных политических, литературных, философских и иных проблем. Вокруг оригинального мыслителя А. Д. Филимонова группировались, в основном, студенты. Среди них были инязовец Виктор Новокрещёнов, филолог Альбина Колышкова. Молодёжь сразу потянулась к Поэту. Кстати, в то далёкое время в обществе симпатизировали именно таким натурам – добрым, искренним, бескорыстным.

Нам посчастливилось быть первыми слушателями многих произведений Поэта, в том числе стихотворений «Ток революции», «Две даты», «На рифах», поэм «Мавзолей Ленина» и «Лобное место», фрагментов драмы «Иван Грозный»... В нашей компании его порой заставляло вдохновение. Он отсаживался в сторонку, вынимал авторучку, заправленную чёрными чернилами, и быстро-быстро писал в блокноте своим резким почерком. Стихи рождались у нас на глазах. И правил их автор иногда точно так же – при всех. Случалось, буквально на ходу. Не успела отзвучать конечная строка «Тока революции», как он внезапно поменял в предпоследнем слове одну-единственную букву, и всё стихотворение приобрело новый смысл. Действительно, большая разница: или призывать к допросу (ответу) отдельно взятого негодяя, или – Революцию.

В 24-й квартире дома № 72а по ул. Ленинградской в 1968-м останавливалась проездом из Курской области в Тилички мать Поэта, он сам жил зимой и весной 1969-го, будучи в командировке от олюторской газеты, и читал нам с А. Власовым и А. Саньковым свой «Северный цикл», а в 1971-м встречался с любимой женщиной Р. (чувствами к ней пронизано стихотворение «Барьер отчуждённости» и поэма «Мир пуговиц»).

Ул. Советская № 19 (или 21). Дома-близнецы, не мудрено перепутать за давностью лет. Хозяйка коммунальной квартиры Люся Афанасьева – милая, добрая, обаятельная – души не чаяла в Поэте. Она сочиняла про него стихи, рисовала его портреты. Работала Люся тогда, в начале 1970-х, в школьном отделе обкома ВЛКСМ. Улыбку Науменкова она считала прекрасной. Нравился ей его указующий перст, особенно когда он читал свои стихи. Читал же он первое время тихим голосом. «С его уст как бы струилась музыка словесная. Для меня тогда было не важно содержание, а главное – мелодия стиха...» (6). Свои воспоминания о Владимире Науменкове Людмила Леонтьевна написала после его кончины, сделав приписку: «Да, как и все женщины, я была, признаюсь, влюблена в этого мужчину-поэта. И все его книги, черновики, записи благоговейно и бережно храню до сих пор». Она нисколько не сомневается, что «Науменков... <...> ...войдёт в сокровищницу нашей многострадальной, но высокой в духовном смысле русской литературы» (6).

Ул. Ключевская, дом № 19. Жилище Поэта в 1970–1976 гг. Первый этаж. Комната в коммунальной квартире со столом, двумя стульями и панцирной койкой. Широкое окно, выходящее в Мишенную сопку, постоянно зашторено плотной тканью. Иногда в комнате шумно: собирается пишущая братия. Обычно – тихо. Зато, не через стенку, так из коридора, доносится крик соседки-морячки. Она всегда громко и матом разговаривает, опережая свою эпоху на целых 20 лет. В. Науменков опережает стихами, а она – этим. Одно хорошо – соседка не пьёт. Совсем. Этот двухэтажный деревянный дом на Ключевской вспоминается мне всякий раз, когда я перечитываю стихотворение Поэта «У бухты».

На 35-летие В. Науменкова Афанасьева поставила на праздничный стол жареного поросёнка. Посреди торжества вдруг погас свет, и гостям пришлось сидеть при свечах. Но сие неудобство огорчило именинника меньше, чем Люсин сюрприз. Она наверняка не знала о ритуале встречи подводников на берегу и невольно разбередила старую рану. И тогда, и потом Поэт не мог смириться с несправедливостью – увольнением в запас «по служебному несоответствию», без выходного пособия.

«Меня будто из жизни сократили... – признавался он писателю-курянину Борису Агееву в конце 1980-х. – Мои матросы подарили перед прощанием Овода, я всю ночь сидел, читал и плакал...» (7).

Отсюда, с Ключевской, в мае 1976 г. Поэт уехал для воссоединения с прежней семьёй в Москву, чтобы через несколько месяцев вернуться назад, но уже в другую квартиру, где всё, за исключением рукописей и нескольких стопок книг, будет чужим.

В 52-й квартире дома № 23 по ул. Давыдова, в этом последнем пристанище Поэта, нами с В. Науменковым было столько переговорено и переспорено, а вот память мало что удержала. Вроде бы, здесь никто раньше не помирал, но какое-то тягостное чувство не покидало меня с первого дня, едва переступил порог. Сначала это тоже была коммуналка, потом – обычная двухкомнатная секция. Некоторое время В. Науменков жил в отдельной, не проходной комнате. А всё равно ничего не менялось. Каждый предмет словно следил за нами и прислушивался к нашим голосам. Для одной из глав повести «Ватерлиния» (о строптивом рыбацком капитане Откраеве) Поэт придумал заголовок «Вражда вещей»,

обратив моё внимание на положение обуви в прихожей – его полуботинок и туфель хозяйки. В эту квартиру никогда не заглядывало солнце, разве что на закате отражалось в окнах напротив. Между домами стояли детские качели. Они всегда одинаково равномерно скрипели, будто отсчитывали время. Всё чаще и чаще казалось, что там, где качели, – большая поляна, а пристанище Поэта – густой лес, через который не идёшь, а продираешься, и если опустился на пенёк, то уж сиди смирно, не ворохайся, а то недолго поцарапаться или, что хуже ещё, ушибиться. Поэтому, когда в 1992 г. в большой буреломной комнате мне на глаза попался земляной муравей, я, к своему ужасу, не слишком удивился, однако посчитал это дурной приметой...

Ул. Давыдова № 23, кв. 54. «Мы были соседями по лестничной клетке, и Владимир Иванович по-настоящему дружил с моим отцом, – рассказывает сын работника облдрамтеатра В. М. Федоренко Михаил. – По-моему, он больше времени проводил у нас в гостях, чем у себя в квартире. Впрочем, такое и гостями не назовёшь, скорее, это напоминало деревенские посиделки, когда все вместе и всё общее. <...> Владимир Иванович любил играть в шахматы. Это было действо! В дом приносились шахматные часы. Хорошая шахматная доска. И – начиналось. Играли часами, составляли графики, как на серьёзных соревнованиях, и правила, естественно, были самые серьёзные: взялся – ходи!» (8).

Деревянный дом № 22 на четыре семьи по ул. Курильской давно снесён, на его месте небольшой продуктовый магазин, прозванный в околоте «шайбой». Рядом песочница, скамейки. Всё это – «новострой» XXI в. Вымахали вровень со старой ветлой два тополя; 30 лет назад их ещё не было. Надломанная ветла пока жива.

Утром 21 октября 1979 г. Поэт долго смотрел на неё. Он пришёл в дом в приподнятом настроении со свежим номером «Камчатской правды», где были опубликованы стихи из его первой книги, что уже печаталась в местной типографии. А потом бросил взгляд в окно и замолчал. Ветер после ночной бури не утих полностью, и пораненное дерево покачивалось. Эта часть помещения с видом на Авачинскую бухту была нежилой: хозяева Юрий Алексеевич и Прасковья Павловна Щепоткины переехали в новый многоэтажный дом, но здесь ещё витал их дух и чудились их голоса. Житьё-бытьё этих людей В. Науменков запечатлел в «Барьере времени» – одном из самых проникновенных своих стихотворений.

Редакции обеих областных газет переехали из центра города в Дом печати (Лукашевского, 5) в середине 1970-х. В декабре 1979 г. В. Науменкова взяли в «Камчатскую правду» корреспондентом отдела культуры. С приходом в 1988 г. нового редактора В. И. Лихно Поэт был переведён в секретариат. Это на втором этаже: какходишь, налево по коридору и – прямо. Сейчас тут то ли одна, то ли несколько фирм. Железная дверь с лестницы и свой вахтёр – просто так не пройти. А в конце 1980 – начале 1990-х кого тут только не было: рыбаки, моряки, рабочие, депутаты, литераторы, нештатные корреспонденты... Шум, громкие разговоры, дискуссии. А секретариат – самое людное место. Работа В. Науменкова заключалась в макетировании газеты.

После августа 1991 г. поэт сильно изменился. Редко когда улыбался, стал резок до ожесточения в спорах, постоянно курил, часто нервничал без видимого повода. Ещё висел на стене за его спиной послужной список Багратиона, но набросков к поэме о 1812 г. на работе он уже не делал, а только оживлялся, если кто-нибудь заводил речь о Бородино, но никого не «просвещал», лишь бросал короткие реплики. К 1994 г. Владимир Иванович сильно сдал: похудел, осунулся. Все сослуживцы, с кем он прятельствовал и кто ценил его как журналиста и Поэта, покинули «Камчатскую правду». В. Науменков оказался если не во враждебной, то в совершенно не дружественной среде. Так жить он не привык...

...Спустя два года после его кончины деятели культуры Камчатки обратились с открытым письмом к градоначальнику А. К. Дудникову с предложением назвать именем Поэта площадь перед Домом печати. Письмо было опубликовано в местных газетах (9). Ответа не последовало.

1. Струтинская А. «Его душа жива...» // Вилоч. газ. 2002. № 36. С. 3.
2. Павлова В. Золотая ссылка // Вести. 2000. 21 апр. С. 4.
3. Из личного архива автора.
4. Саньков А. Могучий талант // Вести. 2005. 29 апр. С. 3–4.
5. Науменков В. Вершина Вольности. Петропавловск-Камчатский. 2011. С. 16.
6. Афанасьева Л. Я влюбилась в него // Вести. 1998. 1 сент. С. 4.
7. Агеев Б. Открытое небо. Курск, 2005. С. 66–77.
8. Федоренко М. Владимир Иванович Науменков // Гор. газ. 2000. 20 апр. С. 12.
9. Именем Поэта // Вести + ТВ. 1997. 10 апр. С. 16.; Площадь Поэта // Новая Камчат. правда. 1997. 11 апр. С. 5; Именем Поэта // Тройка. 1997. 12 апр. С. 8.